

Демченко Н.В.
Эксперименты над языком и сознанием.

Проблема взаимодействия языка и сознания не теряет своей актуальности на протяжении уже весьма продолжительного времени. Несмотря на то, что со времен возникновения самого «лингвистического поворота» в данной тематике периодически происходили смены плоскости изучения вопроса, до сих пор остается множество проблемных мест и интересных аспектов, которые могли бы дополнить научный дискурс. От традиционного русла изучения взаимодействия языка и сознания, которое включает в себя различные теоретизирования и логические построения, хочется выделить попытку продемонстрировать их взаимозависимость на практике. Естественно, здесь можно спорить о том, оказывает ли сознание воздействие на языковые конструкции, выстраивает ли язык наше сознание таким образом, что удается «экранировать» все внелингвистические образы, или же их влияние является взаимным. Общим остается то, что авторы подобных идей хотели продемонстрировать этот механизм в деле.

Под экспериментами в данной работе понимаются попытки конструирования языков, осуществлявшиеся в разные исторические периоды и с разными целями. При определенном угле рассмотрения будет дано объяснение, почему и как посредством этой деятельности оказывается еще и влияние на сознание. О степени оказываемого воздействия нельзя утверждать с точностью, но мысленный эксперимент тем не менее позволяет подтвердить, что какой-то эффект непременно будет достигнут. Задача попытаться объяснить, как мы можем в этом убедиться и какие философские проблемы это имплицитно подразумевает.

Для классического периода в философии проблема соотношения языка и познавательной деятельности человека разрешалась вполне определенно. Язык должен с необходимостью способствовать в получении знаний о мире, помогать пролить свет на замутненные и еще не изученные темы. А чтобы сделать этот инструмент вскрытия миропорядка более удобным и точным, необходимо его усовершенствовать.

Исходя из этой установки, создавалось множество проектов идеальных языков, которые помогли бы преодолеть проблемы, возникающие не только при межкультурной коммуникации, но и при описании мира.

Для разрешения этой проблемы были разработаны несколько ходов, один из которых предполагал наличие некоторого изначального языка, бывшего в распоряжении людей на самой заре человеческой истории. Предполагалось, будто через этот язык можно выразить истину. Одним из таких языков полагался еврейский, в связи с которым утверждалось, будто «Библия написана на единственном священном языке, способном выразить истину, проводником которой он является» [7, с. 82]. Другим подобным примером является легендарный «язык птиц», упоминающийся еще в мифах, в том числе в скандинавской мифологии [см.: 4].

Идеальный язык, позволяющий понимать устройство мира, предполагался не только как уже некогда существовавший. Параллельно с идеей вос-создания, существовала идея создания идеального языка.

Одним из наиболее распространенных примеров является аналитический язык, построенный Джоном Уилкинсом (XVIIв.). К этой персоне обращается Умберто Эко: «Уилкинс ставит перед собою цель создать язык, основанный на реальных знаках: на этом языке “любой народ может читать, сообразуясь со своим собственным языком”» [7, с. 243].

Также попытки создания идеального языка были совершены Лейбницем [см.:5]. В своих трудах он предлагает основы его построения. И снова нужно отталкиваться от создания его общей грамматики, затем обращаться к простейшим единицам языка – словам, а после этого, наращивая уровень сложности, добавлять словосочетания,

предложения и так далее. Следуя всем правилам построения, люди смогут понимать мир и видеть порядок вещей.

Безусловно, во всех попытках построения идеального языка есть недостатки, не допускающие создания подобного идеала.

Для того, чтобы ярко продемонстрировать взаимодействие сознания и языка, также следует обратиться к художественной, а, точнее, фантастической литературе. На первый взгляд такой заход может показаться совершенно не философским и несерьезным, тем не менее нельзя проводить грубое разделение между философией и литературой, утверждая, будто они не взаимопроникающие сферы.

«Точно так же, как у любого философского дискурса есть “литературные” измерения и измерения “вымышленности”..., точно так же и во всяком тексте, определяемом в качестве “литературного”, как уже и во вполне современной концепции “литературы”, работают какие-либо философемы» [2].

В мире, созданном Оруэллом [см.:6], целое министерство трудится над преобразованием английского языка, для того, чтобы изменить сознание жителей Океании, формируя за них все допустимые слова, фразы, мысли, посредством ограничения вариативности языка. «В конце концов мы сделаем мыслепреступление попросту невозможным — для него не останется слов.»

Здесь опять же проскальзывает утопичная идея конструирования идеального языка, но как она оборачивается! Стоящие у власти принимают тезис Витгенштейна о том, что «границы моего языка означают границы моего мира» [1, с. 56].

Еще один пример, поднимающей проблематику как сознания, так и субъективности – фантастический роман Сэмюэля Дилэни «Вавилон-17». В нем рассматривается ситуация, связанная с принципиально новым языком. В парадигме языка отсутствует «я». В нем «не было даже такой концепции, хотя бы сказывающейся в глагольных окончаниях!» [3]. Из-за этой особенности языка один из персонажей, по большому счету, был лишен субъективности. Его поведение вынужденно было безынициативным, герой был насильственно запрограммирован на исполнительность. Эта может и несколько наивно смоделированная ситуация тем не менее удачно демонстрирует, какие изменения сознания (в той мере, в которой можно говорить о наличии сознания при отсутствии самосознания) влечет за собой исключение концепта личности.

Хоть эти примеры и являются местами весьма наивными или же гиперболизированными, не стоит забывать, что здесь механизмы функционирования языка упрощены, выведены на поверхность, что позволяет нам их заметить. В реальности далеко не всегда возможно их уловить, а подобные примеры вполне пригодны для исследования проблемы взаимодействия языка и сознания.

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1994
2. Деррида Ж. Есть ли у философии свой язык? // URL: <http://www.antropolog.ru/doc/library/derrida/derrida>
3. Дилэни С. Вавилон-17 // URL: http://www.e-reading-lib.org/chapter.php/19828/27/Dileni_-_Vavilon-17.html
4. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975
5. Медведев В. Философия языка. Очерки истории. СПб., 2012
6. Оруэлл Дж. 1984. М., 2012
7. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2007